

ВОСПОМИНАНІЯ ДОБРОВОЛЬЦА.

(Продолженіе) ¹⁾.

УІІ. Туркъ-бей.

На другой день еще до зари мы отошли на свою вчерашнюю закрытую позицію. 6-я батарея стала правѣе, 4-я — лѣвѣе. Огонь турецкой артилеріи противъ нашего участка возобновился съ восходомъ солнца и къ 10 часамъ достигъ большого напряженія. До 2 часовъ дня мы обстрѣливали непріятельскіе окопы, тянувшіеся влѣво отъ могиль версты на двѣ. Наша пѣхота была выведена изъ окоповъ впереди гребня и укрыто помѣщена за нимъ. Наши наблюдательные пункты засыпались шрапнелью, осколки которой залетали и на батарею. Турки тщетно старались нащупать нашу хорошо укрытую артилерію. Подъ прикрытіемъ нашего огня 1-я бригада выполнила весьма трудный боевой маневръ: она передвинулась по фронту влѣво верстъ на шесть отъ Люле-Бургаса къ с. Туркъ-бей. 2-я бригада подалась тоже влѣво къ селу Карагачъ.

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 7.

Мѣсто нашей бригады заняла 10-я дивизія; правѣ послѣдней наступала 1-я дивизія.

Весь этотъ маневръ имѣлъ цѣлью усилить центръ и попытаться прорвать имъ непріятельское расположеніе. Такое направленіе удара было выбрано потому, что обнаружилась сила турецкихъ фланговъ и относительная слабость ихъ центра.

Въ 2 часа дня 17-го октября командиръ батареи получилъ приказаніе ѣхать на развѣдку. Батареи стали немедленно собираться и затѣмъ двинулись. Дорогу указывалъ адъютантъ отдѣленія. Предстояло проѣхать не менѣе 6 верстъ, прикрываясь гребнемъ, который мѣстами надо было проѣзжать на хорошемъ аллюрѣ, тамъ, гдѣ не было укрытаго проѣзда. На пути нашего движенія попадались убитые турки, лошади, остатки турецкихъ обозовъ... Когда переходили Монастырскій ручей, то замѣтили на противоположной сторонѣ группировавшуюся нашу пѣхоту. Она, оказывается, поторопилась, не дождалась прибытія артилеріи и самостоятелно атаковала. Турки отразили ее и сами повели контръ-атаку. Наши стали отходить къ гребню, за которымъ мы должны были занять позицію, и гдѣ наканунѣ вела бой наша 2-я бригада.

Мы заняли эту позицію, маскируясь гребнемъ, имѣя наблюдательные пункты чуть влѣво, метрахъ въ 120 впереди позиціи въ пѣхотномъ окопѣ. Энергичный огонь нашего отдѣленія остановилъ наступленіе турокъ, затѣмъ перенесли огонь по непріятельской артилеріи и принудили ее замолчать.

Въ частности—наша батарея, вела огонь по окопамъ однимъ взводомъ, другимъ разстрѣливала гранатами (на 3.000 метр.) непріятельскій взводъ, стоявшій отдѣльно отъ прочей артилеріи. Одно непріятельское орудіе было повреждено. Все это время съ самаго появленія на позиціи, какъ наблюдательный пунктъ, такъ и батарея находились подъ сильнымъ огнемъ непріятельской пѣхоты; только счастливый случай, да хорошіе щиты спасли батарею отъ потерь.

Пурпурный закатъ уже догоралъ, когда пѣхота повела вторую атаку на Туркъ-бей и окопы, правѣ его. Съ музыкой и распущенными знаменами шли полки. Громкое, торжественное «ура», то усиливаясь, то ослабѣвая, волнами носилось по долинѣ Карагача.

Началась атака, но наступившая ночь не давала возможности судить о ея результатахъ. Огонь турецкой пѣхоты то стихалъ, то разгорался вновь... Потомъ стрѣльба утихла, и на нѣкоторое время кругомъ воцарилось безмолвіе...

Приготовивъ орудія на случай ночной стрѣльбы и установивъ дежурства, мы поужинали и собирались отдыхать. Было такъ тихо, что, казалось, все въ долинѣ вымерло. Звѣзды сверкали на темномъ глубокомъ небѣ. Сѣверо-восточный холодный вѣтеръ крѣпчалъ. Я ходилъ по нашей позиціи; вдругъ до моего слуха стали доноситься невинные звуки человѣческаго голоса—не то плачь, не то стонъ... Прислушиваюсь... Тихо... Но вотъ опять... Подвигаюсь по направленію странныхъ и жуткихъ звуковъ къ наблюдательному пункту. Что то темное, увеличиваясь по мѣрѣ приближенія ко мнѣ, движется на меня. Слышенъ топотъ ногъ, глухіе стоны... Вотъ совсемъ близко. Кого то несутъ на рукахъ... Раненый. «Гдѣ здѣсь лазаретъ?», слышу вопросъ. За первымъ идутъ другіе раненые; слышишь, громче стоны... Вотъ она, война! Вотъ когда сжимается и щемитъ сердце болью за погибающихъ въ борьбѣ людей! Командиръ роты, котораго несутъ на рукахъ, раненъ въ область живота и въ ногу. Мнѣ нечѣмъ помочь имъ, развѣ только предложить однѣ носилки, чтобы отнести несчастнаго покойнѣ, а остальнымъ указываю дорогу къ лазаретнымъ линейкамъ. Позади всѣхъ еле тащится тяжело раненый, опираясь на своего болѣе здороваго товарища. Жалкіе стонущіе звуки «А—а—а... а... а...», издаваемые первымъ изъ нихъ, глубоко проникаютъ въ душу и зываютъ о помощи. Увы! Мы ничего не можемъ сдѣлать для нихъ болѣе: всѣ и все у своего дѣла... Постепенно жуткіе нудные звуки замираютъ въ отдаленіи.

Часамъ къ 9 вечера около наблюдательнаго пункта и лѣваго фланга батареи стали стягиваться растерявшіеся люди 3-го полка.

Не всѣ могутъ выдержать то необыкновенное нервное напряженіе, которое овладѣваетъ человѣкомъ въ бою. Временами оно такъ велико и такъ истощаетъ энергію человѣка, что пѣхотинецъ, залегшій по командѣ, подняться уже не имѣетъ силъ. И это не боязнь, а именно нервное истощеніе отъ внутренней борьбы сознанія долга и инстинктивнаго чувства самосохраненія. Такія оставшіе обыкновенно теряютъ свою роту и мыкаются, разыскивая ее.

Ихъ нѣтъ въ началѣ боя, затѣмъ постепенно число ихъ все увеличивается. Я обходилъ кучки этихъ и всматривался въ ихъ растерянные лица. Случайно набрелъ на офицера съ перевязанной платкомъ рукой. Направивъ на него свѣтъ моего потайнаго фонаря, я увидѣлъ смутно знакомое мнѣ лицо. Гдѣ то, когда то еще въ дѣтствѣ я встрѣчалъ его. Но ни я, ни онъ, поговоривъ немного между

собой, теперь не узнали другъ друга. Только нѣсколько дней спустя, двигаясь къ Чатаджѣ, мы снова встрѣтились, разговорились и припомнили наше старое знакомство. Лѣтъ 12 тому назадъ я познакомился съ нимъ, тогда только что выпущеннымъ подпоручикомъ, по фамиліи Тройчевымъ, въ фор. Варнѣ. Теперь онъ командовалъ ротой въ 3-мъ полку и, будучи раненъ, все же не оставилъ строя. Впрочемъ, онъ не былъ исключеніемъ, такихъ было много... 3-й полкъ, атаковавшій с. Туркъ-бей и сосѣдніе окопы, напрягалъ всѣ усилія къ овладѣнію означенными пунктами; по утру оказалось, что въ эту ночь полкъ овладѣлъ, какъ Туркъ-беемъ, такъ и передовыми окопами, гдѣ и ночевалъ.

Въ 3 часа утра 18-го октября предполагалась ночная атака первой арміей лѣваго фланга турокъ, но турки предупредили насъ и сами атаковали. Минуть 20 рокотала ружейная стрѣльба на правомъ флангѣ, а затѣмъ совсѣмъ стихла.

Къ разсвѣту отдѣленіе перемѣнило позицію вправо на одинъ километръ.

Съ восходомъ солнца, когда выяснился успѣхъ 3-го полка у Туркъ-бей, командиръ первой бригады приказалъ одной батарее вынестись на непріятельскій гребень противъ Туркъ-бея и взять во флангъ расположеніе турокъ къ югу отъ этого пункта. Эта задача была возложена на нашу батарею. Вѣнчать своимъ выступленіемъ успѣхъ пѣхоты—доля рѣдкая для артилеріи. Сознаніе важности порученной намъ задачи и свѣдѣнія, что на другихъ пунктахъ фронта наши атаки не такъ успѣшны, а слѣдовательно мы рѣшаемъ участь сраженія, — все это приводило насъ въ восторгъ.

Въ краткихъ словахъ командиръ батареи изложилъ передъ чинами батареи сущность и важность нашей задачи и высказалъ свое твердое убѣжденіе, что дружными усиліями удастся исполнить ее успѣшно и безъ потерь, какъ было до сихъ поръ. Послѣ этого командиръ уѣхалъ съ чинами развѣдки для отысканія укрытаго выѣзда и позиціи. Пока батарея собиралась, я силился разсмотрѣть непріятельскій гребень. Солнце и утренній туманъ, стлавшійся по долину, сильно мнѣ мѣшали. На скатѣ гребня я, наконецъ, по ранцамъ и «царвулямъ» (войлочныя онучи) узналъ нашу пѣхоту. На самомъ гребнѣ разсмотрѣлъ лишь нѣсколько нашихъ дозоровъ.

Непріятельскія артилерія и пѣхота, стоявшія нѣсколько правѣе, не подозрѣвали, повидимому, нашего частичнаго успѣха и

спокойно вели огонь по нашимъ частямъ, расположеннымъ противъ нихъ.

Скоро вернулся батарейный наблюдатель съ приказаніемъ отъ командира батареи—выѣзжать. Выслушавъ докладъ о состояніи дороги, я въ нѣсколькихъ словахъ напомнилъ нижнимъ чинамъ объ ихъ обязанностяхъ, приказалъ держаться, какъ можно ближе и послалъ донесеніе командиру отдѣленія объ отъѣдѣ батареи. Двѣ оставшіяся батареи должны были своимъ огнемъ приковать къ себѣ вниманіе противника. Резервъ оставили при нихъ.

Дорога наша шла укрыто по западному краю гребня, находящагося въ свою очередь западнѣе Туркъ-бея, но отъ вершины гребня до с. Туркъ-бей дорога совершенно открытая, ничѣмъ не маскированная. Съ самаго начала движенія все время натыкались на убитыхъ—и нашихъ, и турокъ. Въ началѣ спуска противъ Туркъ-бея, на самой дорогѣ лежалъ убитый турокъ. 2 нашихъ развѣдчика наскоро убрали его тѣло въ дождевую канаву. Это мѣсто почему то запечатлѣлось въ моей памяти...

На рысяхъ мы продолжали спускаться. Солнце свѣтило прямо въ глаза, а легкій туманъ все еще окутывалъ долину, мѣшая ее разглядѣть; только на западной ея сторонѣ все хорошо было видно. Турки повидимому замѣтили быстро двигавшуюся и поднимающую клубы пыли батарею, такъ какъ ихъ батареи открыли по насъ огонь.

Они дали уже нѣсколько выстрѣловъ, но снаряды легли правѣе насъ и разорвались, одинъ—очень высоко, а другой—гдѣ-то за горой. Именно въ этотъ моментъ въ концѣ спуска лошади второго заряднаго ящика заступили. Но визгъ шрапнелей и громъ ихъ разрывовъ такъ сильно подбодряли орудійную прислугу, что лишь двѣ запряжки успѣли обогнать злополучный ящикъ, какъ они уже совсѣмъ справились съ заступкою. Лошади наши загнаны, слышенъ хрипъ и сопѣнье ихъ. Вывезутъ ли несчастныя животныя? Но вотъ и деревня. Нѣсколько дружныхъ усилій и батарея пророскочила топкое мѣсто Карагачской долины. У самаго вѣзда въ деревню насъ встрѣтилъ командиръ, до сихъ поръ находившійся на позиціи, занятый тамъ оріентировкой и вычисленіемъ данныхъ для стрѣльбы. Дальше отъ насъ повелъ уже самъ. Деревня опустошена, лишь кое-гдѣ куры и скотъ невредимы. Довольно часто падаются убитые.

Виднѣются поломанныя телѣги съ разбросаннымъ скарбомъ; повсюду раскиданы въ беспорядкѣ ящики съ патронами и патроны.

Брошены патронныя двуколки. Мы выѣхали изъ разоренной деревни; къ востоку отъ нея переѣхали небольшой гребень, затѣмъ лощину и, наконецъ, заняли закрытую позицію за главнымъ гребнемъ, фронтомъ на югъ. Наблюдательные пункты влѣво и впереди батареи, сообщеніе съ командиромъ цѣпью изъ двухъ передатчиковъ. Лѣвѣ насъ группа небольшихъ деревьевъ.

Вправо видны цѣпи отдыхающей пѣхоты съ поддержками. Впереди насъ пѣхоты нѣтъ; вся она ждетъ нашего огня, какъ сигнала «впередъ»; мы не заставили ее долго ждать и открыли огонь во флангъ противнику, находившемуся у могилъ. Вотъ двинулись назадъ передки непріятельскихъ орудій. Побѣжала пѣхота; мы не оставляли отступающаго противника своимъ вниманіемъ. Наша пѣхота все еще не наступала. Вдругъ командиръ замѣтилъ стаю воробьевъ, разомъ сорвавшуюся изъ-за гребня шагахъ въ 400 лѣвѣ наблюдательнаго пункта. Въ ту же минуту зажужжали надъ нашими головами и зашлепали о щиты, какъ невидимые жуки, непріятельскія пули. Командиръ скомандовалъ «закройся» и далъ знакъ прикрытію двигаться впередъ; мы, въ свою очередь, стали кричать и подавать знаки съ батареи пѣхотѣ, находившейся правѣ насъ, но вѣтеръ относилъ наши голоса въ сторону, и пѣхота продолжала лежать. Тогда командиръ оставилъ наблюдательные пункты, послалъ одного изъ передатчиковъ къ прикрытію, другого къ пѣхотѣ, а самъ принялъ непосредственно батарею. Огонь былъ почти фланговый и, какъ только командиръ прибылъ, то приказалъ повернуть орудія и цѣлить въ гребень. Дали на прицѣлъ 2-ю очередь «презъ два коси» (*tire fauchée*). Повидимому, очередь произвела впечатлѣніе, такъ какъ огонь стихъ. Но черезъ минуту шлепанье пуль возобновилось съ новой силой. Это было вызвано появленіемъ нашихъ пѣхотныхъ цѣпей, которыя наступали справа, а слѣва выдвинулось прикрытіе. Правофланговая пѣхота продвинулась и стала передъ батареей, шагахъ въ 250-ти. Несмотря на это обстоятельство, командиръ далъ еще одну очередь, но уже на прицѣлъ 4; потомъ послѣдовательно мѣняли прицѣлъ на 6, 10, 15 и 20. До насъ доносились команды пѣхоты, которыми мы и воспользовались для выясненія мѣстонахожденія противника. При наступленіи, спустя немного времени, мы убѣдились, что огонь былъ дѣйствителенъ, это подтвердила и пѣхота. Все же, несмотря на стараніе укрыться, у насъ оказался легко раненымъ въ шею 5-й номеръ въ четвертомъ орудіи. Въ критическій моментъ для батареи, когда пѣхоты еще не было, а наступающій непріятель былъ въ опасной близости, всѣ нижніе чины вели себя отлично.

Особенно не забуду браваго старшаго фейерверкера, Илью Стоянова, который, отшучиваясь, ходилъ отъ батареи къ пѣхотѣ и обратно, выглядывая за гребень и наблюдая за результатами стрѣльбы. Минуть черезъ 20 наша пѣхота двинулась. Тамъ, гдѣ она лежала, осталось на мѣстѣ нѣсколько неподвижныхъ фигуръ; можно было думать, что это убитые, но скоро они стали проявлять признаки жизни. Это были тѣ переутомленные впечатлѣніями боя отсталые, о которыхъ я говорилъ раньше; трехдневный бой давалъ себя чувствовать. Они лежали до тѣхъ поръ, пока командиръ батареи силою поднималъ одного изъ нихъ.

Движеніе турецкой пѣхоты во флангъ нашей батареи отвлекло наше вниманіе отъ противника, отходившаго отъ могилъ, и онъ успѣлъ скрыться въ глубинѣ за овчарней. Какъ только наша пѣхота продвинулась около версты впередъ, мы вызвали передки. Приказавъ мнѣ вести батарею по дорогѣ къ овчарнѣ, командиръ выѣхалъ на развѣдку. Скоро мы заняли новую маскированную слѣва позицію и прямой наводкой открыли огонь по крайнему лѣвому флангу турокъ, продолжавшему все еще сопротивляться. Батарея занимала одну изъ высшихъ точекъ на гребнѣ, такъ что на югъ были видны долины рѣкъ Карагачъ и Эргене. Не только была видна боевая линія турокъ, но и ихъ резервы, и глубокой тылъ.

Мы стрѣляли на предѣльномъ прицѣлѣ и ставили уровень даже больше 30—0 («равникъ горѣ»); но наши снаряды едва ли долетали. Однако, моральное ихъ дѣйствіе было весьма значительно: турки на лѣвомъ флангѣ, не знавшіе до сихъ поръ о прорывѣ ихъ центра, были извѣщены объ этомъ нашими шрапнелями. Тотчасъ же ихъ батареи сорвались съ позиціи, а пѣхота мѣстами отходила, а мѣстами просто бѣжала. Наша 1-я армія стала наступать, засыпая шрапнельнымъ огнемъ отступающаго противника. Во время этой стрѣльбы насъ все время старалась нащупать какая-то турецкая батарея, но безуспѣшно, только передкамъ пришлось два раза мѣнять позицію. Наша пѣхота уже подходила къ овчарнѣ, и мы рѣшили выдвинуться къ ней. Снова командиръ поѣхалъ впереди, а я за нимъ повелъ по дорогѣ батарею. Открытыя мѣста проѣзжали на рысяхъ.

Непріятельская батарея безобидно слѣдила за нами своимъ огнемъ.

Мы стали на позицію шагахъ въ 100 отъ овчарни и начали стрѣлять съ прицѣла 46 по отходящему противнику. Колоннамъ его, кажется, не было конца. Въ бинокль въ юго-восточномъ на-

правленіи верстъ на 20, если не болѣе, были видны двѣ громадныя колонны обозовъ и войскъ.

Хвостъ лѣвой изъ нихъ мы громили.

Вправо отъ насъ, въ овчарнѣ, наше прикрытіе обходило постройки. Вдругъ тамъ затрещали выстрѣлы, и такъ же внезапно и смолкли. Оказалось, что въ овчарнѣ были собраны человекъ 70 раненыхъ турокъ, покинутыхъ на произволь судьбы, или на милость побѣдителя. Нѣкоторые изъ нихъ при входѣ нашихъ пѣхотинцевъ вздумали сопротивляться, а вслѣдствіе этого были пущены въ ходъ ружья. Милости у побѣдителя было, по правдѣ сказать, маловато!...

Второпяхъ мы заняли позицію, недостаточно маскируясь, а второй взводъ почти открыто. Занятые отходящей колонной, мы не замѣтили, какъ одна непріятельская батарея снялась съ передковъ и стала обстрѣливать нашъ второй взводъ; счастье, что пока она неудачно пристрѣливалась, мы успѣли увести второй взводъ, помѣстивъ его правѣе перваго. Поручивъ мнѣ вести огонь первымъ взводомъ по колоннѣ, командиръ батареи выдвинулся впередъ на наблюдательный пунктъ въ канавѣ, окружающей овчарню. Отсюда ему удалось открыть невидимую до сихъ поръ турецкую батарею; тогда по ней стала стрѣлять подослѣвшая 4-я батарея, вставшая лѣвѣе насъ метровъ на 300. Изъ всѣхъ орудій мы повели тогда огонь по батарее. Турки тотчасъ же повторили нашъ маневръ: оттянули орудія назадъ, но съ тѣмъ, чтобы укатить. Мы послали имъ вдогонку очередь прогрессивнаго огня (*tire progressif*). Скоро непріятель оказался внѣ сферы нашего огня. Онъ бѣжалъ, какъ только могъ.

Нашему восторгу не было границъ; сожалѣли объ отсутствіи у насъ кавалерійской массы, чтобы, преслѣдуя, или истребить окончательно, или плѣнить противника. На лицо были великолѣпная цѣль и на рѣдкость подходящая мѣстность для лихихъ кавалерійскихъ атакъ. Теперь же—увы! противникъ уходилъ безпрепятственно.

Безусловно, на долю 5-й батареи 2-го скорострѣльнаго полка досталась завидная слава въ бою у Туркъ-бей. Если отходъ турецкаго центра и начался до зари 18-го октября, то лѣвый ихъ флангъ, у могилъ и южнѣе ихъ, крѣпко держался и, лишь смѣлое движеніе 2-й батареи, заставило его отступить, а въ дальнѣйшемъ 5-я же батарея не дасть задерживаться турецкимъ арріергардамъ. Одно ея присутствіе въ полукилометрѣ за спиной болгарской пѣхоты ободряло послѣднюю и толкало въ атаку на врага, не успѣ-

вавшего въ послѣднемъ бѣгствѣ цѣпляться за мѣстность. И все это батарея выполнила безъ потерь!...

Нѣтъ сомнѣнія, что турки стрѣляли скверно, а также и счастье намъ благопріятствовало, но надо признать, что на половину своей славой и жизнью батарея обязана своему командиру, его распорядительности, предусмотрительности и въ то же время отвагѣ; поэтому, да будетъ мнѣ позволено упомянуть здѣсь о свѣтлой личности командира 5-й батареи, поручика Георгія Бошнакова. Быть можетъ многіе узнаютъ въ немъ своего одноклассника, котораго давно потеряли изъ виду, но о которомъ съ радостью услышать вновь. Онъ окончилъ, если не ошибаюсь, Кіевскій кадетскій корпусъ и Константиновское артилерійское училище. Былъ онъ въ батареѣ полковника Бѣляева, нынѣ генераль-маіора, всѣмъ хорошо извѣстнаго артилериста. Поручикъ Бошнаковъ всегда съ гордостью вспоминаетъ о своемъ учителѣ, любимцемъ котораго онъ былъ.

Другой офицеръ этой батареи—подпоручикъ запаса Младеновъ изъ г. Врацы. Въ мирное время занимался торговлей.

ІХ. На Саты-Кіюй и Виза Сарай.

Теперь вернемся къ событіямъ дня. Вскорѣ къ намъ присоединилась и 6-я батарея. Было часовъ 5, когда все отдѣленіе двинулось далѣе на Саты-Кіюй. Наша пѣхота, переходя отъ гребня къ гребню, до ночи выбивала съ позиціи слабо державшіяся партіи противника. Когда спустились въ одну изъ балокъ, то нашимъ фейерверкерамъ сдался турецкій гвардейскій пѣхотинецъ изъ македонцевъ, которому было поручено тѣло убитаго турецкаго «юсбаши» (капитана). Онъ былъ великолѣпно, даже можно—щегольски, одѣтъ. Въ разговорѣ съ нимъ я старался выяснитъ кое-что о только что минувшихъ бояхъ, но кромѣ разказовъ о томъ, какъ бывшіе въ рядахъ турецкихъ войскъ македонцы наводили на солдатъ панику крикомъ: «Бѣжимъ! Черные гяуры идутъ!» и какъ эти же македонцы стрѣляли въ воздухъ, ничего не могъ добиться. Къ нему отнесли съ довѣріемъ и даже три дня не отнимали оружія. Потомъ онъ пожелалъ надѣтъ болгарскую форму. На всякій случай при нашемъ приближеніи къ Чаталджѣ его услали въ тылъ. У Саты-Кіюй мы уже темною ночью стали на бивакъ. Всѣ устали страшно, и я, не дождавъ обозовъ, легъ, подложивъ сѣдло подъ голову, и укрывшись, какъ можно лучше, шинелью. Все и всѣ моментально заснули крѣпкимъ сномъ, Было около полуночи, когда

отъ пронизывающей свѣжести воздуха я проснулся. Обозъ, оказывается, только что подоспѣлъ. Съ трудомъ въ непроницаемомъ мракѣ ночи стали разбивать офицерскія палатки. Большимъ подспорьемъ въ этой тьмѣ намъ были два взятыхъ изъ Лозенграда (со складовъ) фонаря, большихъ и великолѣпно защищенныхъ отъ вѣтра и дождя. Наконецъ, устроились, разобрались и послѣ трехъ ночей, проведенныхъ на голой землѣ, легли въ эту ночь на турецкихъ кроватяхъ, покрывшись ихъ теплыми одѣялами.

Что же дѣлалось на остальномъ фронтѣ нашей арміи 17-го и 18-го октября? На лѣвомъ флангѣ 5-я дивизія усилилась частью 3-й дивизіи утромъ 17-го октября и въ теченіе этого дня упорно отстаивала свои позиціи у Бунаръ-Гисара. Вечеромъ она приняла участіе въ общемъ наступленіи болгарской арміи. Демонстративный характеръ ея дѣйствій, численная слабость частей, вынесшихъ накануне неудачный бой, и, наконецъ, сила турецкаго фланга, препятствовали успѣху ея атаки. Надо полагать, что къ вечеру 17-го октября къ 5-й дивизіи подошла 3-я Балканская дивизія въ составѣ двухъ бригадъ (безъ резервной, оставшейся подъ Адрианополемъ въ составѣ 2-й арміи), что придало нашему лѣвому флангу вполне устойчивое положеніе.

Непосредственно къ лѣвому флангу нашей дивизіи примыкала 4-я дивизія. Ко времени общей атаки, она занимала высоты, лежащія на западъ отъ рѣки Карагачъ-дере, на фронтѣ Инжекляль-Дуланъ. Вторая бригада нашей дивизіи въ то же время была направлена въ село Карагачъ. Такъ какъ вся долина рѣки Карагачъ болотиста, за исключеніемъ мѣстъ у деревень, то наибольшаго успѣха въ дѣйствіяхъ можно было ждать отъ частей этой второй бригады, полковъ 35-го и 36-го, и нашей бригады у Туркъ-бея. Видимо дѣло такъ и обстояло, судя по рассказамъ. Полки 2-й бригады, 6-й пѣхотной Бдинской дивизіи, увлекаемые личнымъ примѣромъ начальника дивизіи, генераль-маіора Тѣнева, бѣшено атаквали. Ни болотистый ручей, ни адскій огонь турокъ, ни чувствительныя потери,—ничто не было въ состояніи сдержать вихрь этой смѣлой атаки. Подъ генераломъ Тѣневымъ убита лошадь, его адъютантъ безъ ногъ, трубачъ убитъ на мѣстѣ, но зато «на ножъ» взята неприятельская батарея. Однако успѣхъ у села Карагачъ былъ, по видимому, все же лишь частичный, такъ какъ на дѣйствія нашей 1-й бригады непосредственнаго вліянія не оказали: атака у села Карагачъ была часа въ 4, а еще въ 9 час. вечера у села Туркъ-бей турки упорно держались. Тогда какъ полный успѣхъ у села Карагачъ неминуемо повлекъ бы за собой отступленіе турокъ отъ Туркъ-

боя и наоборотъ. Части 1-й, 10 и кавалерійской дивизіи вели 17-го атаки на кладбище, восточнѣе Люле-Бургаса и вдоль праваго берега рѣки Эргене.

18-го октября успѣхъ 6-й дивизіи и въ частности 1-й ея бригады оказываетъ рѣшающее вліяніе на исходъ сраженія. Лѣвый флангъ турокъ, видя прорывъ центра, безъ оглядки бѣжалъ, но ихъ правый флангъ отходилъ медленно на Визу-Сарай. Гулъ далекаго жаркаго боя до вечера доносился до насъ оттуда.

19-го октября вся 6-я дивизія тремя колоннами съ интервалами между ними въ нѣсколько сотенъ шаговъ, изъ которыхъ двѣ крайнія колонны—пѣхотныя, а средняя—артилерійская, двинулась мимо дер. Имранлы на Ахметъ-бей. Мѣстность позволяла пѣхотѣ двигаться безъ дорогъ. Небольшой турецкій отрядъ, засѣвший въ дер. Имравлы, былъ почти весь переколотъ авангардомъ, но турки успѣли поджечь эту деревню, богатую травянымъ кормомъ.

На лѣвомъ флангѣ бой всей разгорался. На правомъ—полная тишина.

Дойдя до Ахметъ-бея, 2-я бригада дивизіи отдѣлилась и отошла влѣво, мы же, напоивъ лошадей изъ ручья Соуджакъ-дере, двинулись черезъ упомянутое село. Какъ и Саты-Кюй, село это болгарское, и жители радостно встрѣчали насъ съ хоругвями и иконами. Какъ только мы вышли на восточную охрану Ахметъ-бея, передъ нами открылась къ востоку безбрежная равнина, а съ сѣвера въ село упирается лощина Соуджакскаго ручья, гдѣ у селенія Чонкръ (Чонгара) шелъ бой нашего лѣваго фланга. По правому западному берегу Соуджака двигалась и занимала позиціи наша 2-я бригада. Скоро ея артилерія открыла огонь. Небольшія кавалерійскія части противника сновали по разнымъ направленіямъ влѣво отъ насъ, не подходя однако къ намъ ближе 4—5 верстъ. Далѣе къ сѣверу небольшой гребень скрывалъ отъ нашихъ взоровъ гор. Визу.

Шрапнели батарей 5-й и 3-й дивизіи непрерывно рвались надъ невидимымъ намъ противникомъ, который тоже не жалѣлъ снарядовъ. Лѣсистая мѣстность хорошо маскировала враговъ и не позволяла намъ ясно видѣть дѣйствія пѣхоты, несмѣря на разгулявшуюся погоду.

Авангардъ нашей дивизіи продвинулся километровъ на 10 къ востоку отъ Ахметъ-бей. Командиръ авангардной батареи, майоръ Сеизовъ, хотѣлъ увлечь своимъ примѣромъ и дѣйствіями авангардъ, но ему было разрѣшено только стрѣлять по отступающему противнику. Часовъ въ 5 мы получили приказъ вернуться въ Саты-

Кіой, что вся бригада и выполнила къ 8-ми часамъ вечера, а для защиты Ахметъ-бея отъ башибузуковъ заняли его ротой пѣхоты. Грустно было намъ возвращаться. Мы всё ждали, что насъ двинуть на гор. Сарай, чтобы преградить дорогу зарвавшемуся непріятельскому арріергарду, но должно быть упорство турокъ внушило уваженіе къ нимъ.

Ночью полилъ ливень. Къ 10 час. утра получили приказъ быть готовыми къ выступленію, однако никуда насъ не двинули. На лѣвомъ флангѣ бой кипѣлъ съ утра, не ослабѣвая. На правомъ—тихо. О 1-й арміи надъ ничего не было извѣстно. Тяжело, несносно было стоять на дождѣ, слыша звуки боя, не принимая въ немъ участія и не зная цѣли такого бездѣйствія. Стараясь чѣмъ-нибудь развлечься, я пошелъ въ неубранную еще палатку начальника телефонной связи бригады, гдѣ засталъ маіора Таслакова, исполнявшаго должность начальника штаба бригады. Въ своей походной книжкѣ онъ составлялъ реляцію о минувшемъ боѣ. Какъ разъ въ моментъ моего появленія онъ записывалъ потери. Цыфры были слѣдующія для отдѣльныхъ полковъ, но которыя для какого именно—не помню: убитыхъ 33 и 131; раненыхъ въ каждомъ болѣ 300-тъ. Поразили меня огромныя числа, слѣдовавшія за словомъ «въ неизвѣстности»: въ одномъ полку 600 слишкомъ, въ другомъ около 500. Въ общемъ потери бригады около 2.000 человекъ съ небольшимъ, т. е. 20% списочнаго состава болгарской бригады. О томъ, что въ данное время происходитъ на лѣвомъ флангѣ, маіоръ избѣгалъ говорить.

И такъ, слыша бой и видя бездѣйствіе цѣлой бригады, простояли мы до 3-хъ часовъ дня подъ дождемъ; послѣ этого насъ двинули на деревню Имранлы, а къ вечеру мы заняли позицію—бивакъ къ сѣверу отъ этой деревни.

До полной темноты канонада на лѣвомъ флангѣ не стихала. Вскорѣ стало извѣстно, что мы останемся на занятой позиціи, пока не устроится тылъ и не пополнятся огнестрѣльные припасы.

21-го бой на лѣвомъ флангѣ былъ все еще интенсивенъ, но уже можно было предполагать, что противникъ отходитъ. 22-го, постепенно отдаляясь, артилерійская канонада стихла. Наконецъ, мы узнали, что городъ Виза занятъ.

ч.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кюй, что вся бригада и выполнила къ 8-ми часамъ вечера, а для защиты Ахметъ-бея отъ башибузуковъ заняли его ротой пѣхоты. Грустно было намъ возвращаться. Мы всё ждали, что насъ двинуть на гор. Сарай, чтобы преградить дорогу зарвавшемуся непріятельскому арріергарду, но должно быть упорство турокъ внушило уваженіе къ нимъ.

Ночью полилъ ливень. Къ 10 час. утра получили приказъ быть готовыми къ выступленію, однако никуда насъ не двинули. На лѣвомъ флангѣ бой кипѣлъ съ утра, не ослабѣвая. На правомъ—тихо. О 1-й арміи надъ ничего не было извѣстно. Тяжело, несносно было стоять на дождѣ, слыша звуки боя, не принимая въ немъ участія и не зная цѣли такого бездѣйствія. Стараясь чѣмъ-нибудь развлечься, я пошелъ въ неубранную еще палатку начальника телефонной связи бригады, гдѣ засталъ маіора Таслакова, исполнявшаго должность начальника штаба бригады. Въ своей походной книжкѣ онъ составлялъ реляцію о минувшемъ боѣ. Какъ разъ въ моментъ моего появленія онъ записывалъ потери. Цыфры были слѣдующія для отдѣльныхъ полковъ, но которыя для какого именно—не помню: убитыхъ 33 и 131; раненныхъ въ каждомъ болѣ 300-ть. *Поразили меня огромныя числа, слѣдовавшія за словомъ «въ неизвѣстности»:* въ одномъ полку 600 слишкомъ, въ другомъ около 500. Въ общемъ потери бригады около 2.000 человекъ съ небольшимъ, т. е. 20% списочнаго состава болгарской бригады. О томъ, что въ данное время происходитъ на лѣвомъ флангѣ, маіоръ избѣгалъ говорить.

И такъ, слыша бой и видя бездѣйствіе цѣлой бригады, простояли мы до 3-хъ часовъ дня подъ дождемъ; послѣ этого насъ двинули на деревню Имранлы, а къ вечеру мы заняли позицію—бивакъ къ сѣверу отъ этой деревни.

До полной темноты канонада на лѣвомъ флангѣ не стихала. Вскорѣ стало извѣстно, что мы останемся на занятой позиціи, пока не устроится тылъ и не пополнятся огнестрѣльные припасы.

21-го бой на лѣвомъ флангѣ былъ все еще интенсивенъ, но уже можно было предполагать, что противникъ отходитъ. 22-го, постепенно отдаляясь, артилерійская канонада стихла. Наконецъ, мы узнали, что городъ Виза занятъ.

ч.

(Окончаніе слѣдуетъ).